

Ирина Шорец

Аспирантиура,
туфельки и...

Ирина Шорец
Аспирантура, туфельки и...

«Четыре четверти»

Шорец И.

Аспирантура, туфельки и... / И. Шорец — «Четыре четверти»,

ISBN 978-985-581-019-4

Эта книга — пособие для девушек, собирающихся поступать в аспирантуру. Стоит ли отдавать себя и свою молодость в жертву науке, если вы, прежде всего, задумываетесь, каким цветом покрасить ногти и как заработать на туфли? И если ваши мысли только об одном — о мужчинах, то, может, стоит стать аспиранткой своей жизни, а не какой-нибудь кафедры, которая может вас пробросить, впрочем, как и мужчины. Что ж, если все же вы мыслите научно не только про мужчин, а ваша кафедра пытается удержать вас любым способом, то эта книга тоже для вас. Вас — умных и способных сублимировать свою сексуальную энергию в науку и карьеру. А мужчины здесь смогут научиться понимать «женскую логику». Существует она или нет — решат, прочитав эту книгу...

ISBN 978-985-581-019-4

© Шорец И.
© Четыре четверти

Содержание

Аспирантка	6
Какие мы аспирантки?	13
Джентльмены предпочитают блондинок	15
Одиночество	16
Где живут аспирантки?	17
И роковой день настал...	19
Вечер воспоминаний	24
Как пойти в библиотеку?	26
У психологов тоже бывают проблемы	29
За какие деньги живут свободные аспирантки?	31
«Счастье не в деньгах»	33
Фотомодели, фотограф, фетиш и просто фе	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Аспирантура, туфельки и...

Повесть

© Шорец И. В., 2017

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2017

Аспирантка

Я – аспирантка. Самая обыкновенная, как и все аспирантки нашего университета...

Нет, конечно же, я особенная, отличная от других, неповторимая, в принципе, как и каждая из нас, которых связывает одно общее – аспирантура. Звучит загадочно? Но самое главное – заманчиво, что и притянуло меня после окончания магистратуры к двери с табличкой – «АСПИРАНТУРА». Магистратуры мне было мало, подумаешь, магистр гуманитарных наук, только и всего лишь. А вот аспирантка, будущий кандидат наук – это звучит, и не просто, а гордо!

Что ж, звание аспиранта звучит, но соответствуют ли ему его носители? Именно они и определяют: стоит ли гордиться этим или все же скрывать...

Итак, я аспирантка первого курса, который скоро закончится аттестацией и переводом на второй, более напряженный научный год. Если бы мне об этом сказали в то время, когда я еще поступала в магистратуру, я бы искренне обрадовалась и по-настоящему гордилась собой. Но сейчас, оканчивая первый курс «кузницы ученых», я задумалась: куда же исчезли те чувства? Может, остались у двери кабинета с табличкой «Аспирантура»...

Скажу одно: аспирантура научила меня думать. Много думать. Конечно, для некоторой части, населяющей планету Земля, представителей человеческого рода – мужчин – это очень полезно и необходимо. А вот насчет женской половины, особенно аспирантов, стоит задуматься.

– Не думай! Женщине вредно много думать, и мало тоже, – говорит Рината, моя подруга-аспирантка, однокурсница. Рината – пышногрудая блондинка крупного телосложения, комплексующая по этому поводу, но вида не подающая. Несмотря на свой натуральный цвет волос, с блондинками у нее ничего общего нет. Если бывают натуральные брюнетки с душой блондинки, то Рината – блондинка с душой мужика. Резка, справедлива, искренна, умна, критична – все это про нее. И еще она у нас «ходячая» энциклопедия! Ее уму позавидует любой мужчина. Но вот с мужчинами она ведет себя порой как настоящая блондинка.

Мы с ней еще в магистратуре познакомились: ее тогда сильно удивило, что я на лекции по философии культуры красила ногти на руках (если бы на ногах, тогда бы это и меня удивило). А это, между прочим, совмещение приятного с полезным. Ведь тогда я так вдохновилась темой лекции о культуре поведения, что и мой внешний вид должен был соответствовать такому же поведению. Но это в прошлом, возвращаемся в настоящее.

Так вот, Рината советует мне не думать. А сама не отрывает ни глаза, ни голову от компьютера и думает вместе с ним. Но, в отличие от меня, она думает о самом главном, о великом труде в аспирантуре, куда нужно вложить свои душу и тело, принести в жертву молодость и нервы, исписав или напечатав тысячи черновых вариантов, а в итоге «родить» один нужный и правильный (!), по мнению твоего руководителя. И все это ради основы основ аспирантуры – твоей научной работы – диссертации! Так вот о ней, родимой (у кого на три года, а у некоторых и на всю жизнь), и думает Рината, сидя за компьютером и раскладывая пасьянс.

А я снова думаю обо всем, много думаю. Мысли буквально нападают на меня, занимают весь мозг и даже его неизученные и неизрасходованные проценты. И в итоге, хвала Богу и египтянам, которые изобрели бумагу, я выпускаю свои мысли на эту вечную ценность. Тем самым освобождаю место в своем любимом мозгу для новых мыслей. И снова думаю...

В последнее время я все чаще стала задумываться над смыслом существования аспирантуры вообще. Для чего мы, аспиранты, нужны? И зачем я поступила год назад в эту «кузницу науки», когда абсолютно не умею мыслить научно, а всего лишь по-своему рассуждаю. Куда пропал мой энтузиазм при поступлении? И когда я напишу хотя бы научную статью, не говоря уже про саму диссертацию? Для чего мне нужно это гордое звание аспиранта? И вообще, на своем ли я месте? Если я и дальше буду забрасывать себя подобными вопросами, к тому же безответными, то не только научную статью, но и отчетный план о проделанной работе за год не напишу. Кстати, про отчетный план. Это самое легкое. Написать про то, что сделал за год учебы в аспирантуре...

Я набрала это слово на компьютере и стала вспоминать, что же я сделала за этот быстро пролетевший первый курс. Замуж не вышла, продолжаю жить в общежитии, встречаюсь с подругами по пятницам или субботам в кафешках или в парке. А по воскресеньям занимаюсь моральной подготовкой к написанию моего великого произведения – диссертации кандидата в кандидаты.

Из всего вышеперечисленного ничего в отчетный план не занесешь. Надо по существу, как говорит моя руководительница – проректор по научной работе нашего университета, самая

умная и строгая, серьезная и холодная как Снежная королева – Белая Алина Марьяновна. Кстати, немного отвлекусь, чтобы рассказать, как я попала в список ее аспирантов.

Будучи студенткой пятого курса, я защищала диплом у одного уважаемого доцента – интересный мужчина средних лет, патриот своих исследований, фанат своего дела, от которого даже моим дипломом его не отвлечешь. Но защитила я на «отлично»! И этот уважаемый «навуковец» рекомендовал меня для поступления в магистратуру, в надежде, что я буду продолжать исследовать тему своей дипломной работы и писать дальнейший свой научный труд у него, тем самым не очень озадачивая его и не сильно напрягая себя в том числе. Я радовалась, что буду предоставлена самой себе, и, не спеша, в спокойной обстановке сотворю свой гениальный труд. Эх, мечты, мечты! Они, как обычно, остаются в облаках...

Опекунша магистрантов (интересно, от какого слова произошло это звание, от магии?), пожилая женщина с большим жизненным опытом, который отразился в ее сединах и морщинах, порекомендовала мне сменить руководителя научной работы. Аргументировала она это тем, что магистерской, а в дальнейшем и аспирантской диссертацией могут руководить кандидаты наук и замечательно, если доктора, но не доценты. Кафедра моей специальности на кандидатов, а тем более докторов не была богата. Одни доценты заполнили этот маленький кабинетик с заваленными студенческими работами столами. Но из двух представителей высшего ранга, я выбрала снова мужчину – всеми уважаемого доктора, Профессора с большой буквы, семидесятилетнего мужчину, слегка глуховатого и слишком занятого, но очень милого и доброго. Свободных мест для будущих магистров и аспирантов у него не оказалось. Вторым кандидатом была доброжелательная женщина, со своими учеными званиями и взглядами. Но опекунша магистрантов не унималась:

– Ты сходи за советом к Алине Марьяновне. Она тебе подберет достойного руководителя.

И вот я стою перед дверью кабинета проректора по научной работе с мыслями: как предложить своего претендента на должность руководителя моей магистерской диссертации? Я, совсем не подозревавшая, что, перешагнув этот порог в резиденцию королевы науки, моя спокойная размеренная жизнь резко изменится. Но шаг вперед через порог сделан.

Деловая женщина 45-ти лет, приятной внешности, даже красивой, только холодной (действительно, Снежная королева), сняла очки для близости и посмотрела на меня своим оценивающим пронзительным взглядом, от которого я застыла на месте. Забыв подготовленную речь, я представилась и сказала, что меня направили к ней из отдела магистратуры за советом. Придя в себя, вспомнила о своем действенном оружии – приветливой улыбке, ожидая в ответ такую же. До этого момента срабатывало, но не со Снежной королевой.

– И что ты хочешь? – ровный строгий голос обратился ко мне, и я услышала «свое» желание: – Чтобы я стала твоим руководителем.

Это скорее был приказ, чем вопрос или предложение, который выбил у меня землю из-под ног. А ее пронзительный взгляд, казалось, сверлил мою голову, чтобы прочесть мысли и убедиться в их способности к науке. В этот момент я действительно почувствовала себя застывшей льдинкой. Снежная королева заморозила мое тело и мои губы, повинуюсь, пролепетали:

– Да. Алина Марьяновна, не могли бы вы согласиться руководить мною (вот, именно, что мною, а не моим научным трудом – это какой же гипнотической силой надо обладать женщинам науки!). С тех пор я с трясущимися коленками переступаю порог этого кабинета – царства Белой Алины Марьяновны – моей научной руководительницы.

Вспоминая о ней, я тут же сообразила, что написать в отчетный план. Самое главное, что я сделала за первый курс аспирантуры – разделалась с зачетом по информатике, точнее «Информационным технологиям». Мне, до этого круглой отличнице, поставили первые «4» балла по пятибалльной системе. Не то, что меня данный факт расстроил, но осадок остался... В аспирантуре высший балл это, конечно же, «5», большего мы не заслуживаем. Или наши труды выше «5» не перепрыгивают.

Итак, первую четверку мне поставили благодаря моей компьютерной презентации – просто гениальной работы, созданной мной – гламурной особой. Я рассчитывала на «отлично». Как вдруг, изучая мою научную работу, профессор по информатике, простите, по информационным технологиям, полный, лысый мужчина в квадратных очках в серой роговой оправе и по форме головы напоминающей компьютер (не зря в свое время защитил диссертацию по Корвету), поднял свои умные очки на широкий плацдарм лба и издал изумленный возглас:

– Это ненаучный труд?! – казалось, он даже сам сомневался в этом. – За это можно поставить только три балла.

Что?! – теперь уже сомневалась в услышанном я. Тройку?! За мой главный результат труда за полгода в аспирантуре. Я так старалась в оформлении своего реферата, напечатанного яркими цветными буквами. Особенно мне нравилась обложка: «Компьютер?! Узнать или бояться?» – гласил шрифт Arial 28 размера. Основной текст выдержан в разных шрифтах, цветах, форматах – я использовала все возможности Microsoft Word. А эта компьютерная голова разбивает все мои старания в пух и прах, оценивая их на тройку. Первую тройку за все время учебы в университете. Мне?! Круглой отличнице! Моему внутреннему возмущению не было предела, но все же его ограничивал прежний опыт – не перечить профессорам. В свою защиту я пролепетала:

– У меня еще есть презентация... на CD. – Это был мой последний шанс получить «5».

На этот раз, просматривая мою работу со всеми возможностями Power Point, профессор очки на лоб уже не поднимал.

– Что ж, это уже лучше. 4 балла! – вынес реабилитирующий приговор компьютерный профессор с головой «Корвета». Мне, со своей милой женской головкой, цветным рефератом и компьютерной презентацией, пришлось послушно согласиться. В легком шоковом состоянии я вышла из кабинета, глухо стуча по бетонному полу университета каблучками моих счастливых туфель для экзамена...

Потом появилась вторая четверка по философии, но уже не такая болезненная, как первая, постепенно я начинала менять взгляды на оценки. Но четверка снова была поставлена моему шикарному реферату, который оценили на 4 балла. Между прочим, впоследствии, его использовал мой знакомый в качестве дипломной работы в Академии МВД. Там мой «средненький» по аспирантским меркам реферат занял самое высокое место среди дипломных работ за всю историю существования Академии милиции.

Статьи, научные статьи. Что же еще написать в плановом отчете. Я выступала на каких-нибудь конференциях в этом году? И с каким докладом? Вспомнила! Для конференции в одном маленьком городке нашей небольшой страны, я переделала, правильнее будет сказать – отредактировала статью, написанную еще в светлые времена магистратуры, но нигде до этого не напечатанную. Получилось замечательно, по научному мнению моей руководительницы.

Что же еще? Я пыталась сосредоточиться на научных мыслях, но спасительный звонок, спас меня от закипания мозгов. Звонила одна из моих подруг и предлагала встретиться. Я не могла отказать заманчивому предложению – все, что угодно, лишь бы не думать об отчетах, статьях и самом важном для нормальных аспирантов – диссертации. Но я ненормальная аспирантка. Я – свободная аспирантка, витающая в грезах о любви и облаках романтики, вместо тяжелых свинцовых туч науки.

С Натали (после отдыха в Турции она слегка изменила свое имя, но сущность осталась та же) я встретила на Октябрьской площади, недалеко от ее работы. Натали – не аспирантка, но дипломов у нее предостаточно. Эта страстная шатенка со жгучими карими глазами сражает мужчин наповал. Но... одна проблема – они долго не выдерживают ее или ее напора. Жизненной энергии и оптимизма у Натали хоть отбавляй, она всегда заряжает нашу компанию желанием действовать, поскольку из нее самой это желание просто прет. Натали общительна. Телефон – это ее неотъемлемая часть. У нее просто куча знакомых (большинство из них нужных).

Она никогда не удаляет номера телефонов своих бывших, в отличие от большинства из нас (а вдруг пригодится). Натали работает в Национальной библиотеке и имеет доступ к многочисленным источникам наших диссертаций. После окончания университета она стала «помогать» ученым и желающим грызть этот гранит, а также добровольно-вынужденным, писала диссертации, если их можно было так назвать, всем желающим: лентяям, безмозглым и иностранцам, в частности, китайцам. Так что, кроме дружбы, меня с Натали объединяли и научные исследования.

Высокие каблуки сапог у нас двоих и прохладный ноябрьский ветер занес нас в ближайший недорогой ресторан «IL Patio». Потягивая кофе-глясе и поглядывая через окно на прохожих, мы беседовали на женские темы. Началось с обсуждения сотрудниц Натали, потом о косметике, и в итоге постепенно пришли к той единственно-важной для нас теме – Мужчины.

– Что на этот раз? – спросила я подругу, которая меняла кавалеров как перчатки. Не успеет замаячить на горизонте новая пассия, как Натали уже там во всей красе и во всеоружии поджидает его, обещая солнечные ласки рассвета, а потом снова закат и ожидание восхода.

– Вроде бы все нормально. Было романтическое свидание и безумная ночь... – начала она литературное описание своего романа.

– В первое же свидание? – перебиваю я.

– А чего ждать? В сексе он идеален, – и Натали окунулась в воспоминания той ночи, бессознательно болтая трубочкой в стакане по кругу. Мне же в эти моменты вспоминается великий психо- и секс-аналитик Зигмунд Фрейд.

Нарочно закашлявшись, я вернула в реальность подругу.

– О чем я? Ах, да, вчера мы пошли в магазин, купить что-нибудь на ужин. Представляешь, у него не хватило денег.

– С каждым такое случается. У меня до следующей стипендии тоже не хватает денег на любимые йогурты. Конечно, если бы я не купила те босоножки на распродаже.

– Нет, это другое. Мне пришлось заплатить практически за весь ужин. Я сказала, что он мне будет должен. А он ответил: «В постели рассчитаюсь!»

– Что?!

– Что вернет долг сексом, – повторила Натали с возмущенным выражением лица.

– Я поняла... Просто удивлена легкости ответа твоего мужчины, – пояснила.

– Уже не моего...

– Так быстро?! Но он хоть долг вернул? – усмехнулась я.

– Сексом вернул. Но утром я сказала ему, чтобы положил мне эти деньги на телефон.

– Тебе не кажется, что ты слишком категорична?

– Вовсе нет. Я приготовила, купленный за свои деньги, ужин без его помощи. Посуду он тоже отказался мыть, сказав, что в гостях.

– Ну, да, есть даже примета по этому поводу, мол, денег у хозяев не будет, – аргументировала я.

– Их и так нет. И на телефон он мне денег не положил, – Натали была рассержена. Телефон – это ее составляющая часть. Она общается со всеми как минимум по 20 минут в каждый час. Если представлять ее образ, то только с телефоном в руке или возле уха, или на столе, по которому Натали стучит ноготками, поглядывая на экран мобильного.

Так было и сейчас. Натали барабанила по деревянной столешнице, периодически брала в руки телефон, взглянув хотя бы на часы.

– Ты ждешь от него звонка? – спросила я.

– Нет, не думаю, что он позвонит. Мы же поругались. Он назвал меня расчетливой, а я его – альфонсом, – засмеялась Натали.

– Да, круто. Отношениями ты не дорожишь.

– Такими? Хм, нечего.

– Но ты же сама сказала, что в сексе он – супермен!

– Найду и лучше. И притом, сама знаешь, сексом сыт не будешь. А мне нужен богатый мужчина или хотя бы тот, кто смог бы меня содержать, – надула губки Натали (по ее меркам, это было одно и то же).

Зазвонил ее телефон, подняв опускавшееся у подруги вниз настроение. Но, проговорив, на удивление, пару минут, Натали с легким разочарованием положила трубку недалеко от своих рук.

– Это Марго. Она сейчас к нам присоединиться. Она, кстати, звонила и тебе, – пояснила Натали.

– Да?! Я не слышала, – достала телефон из сумочки, висевшей на спинке стула, и стала просматривать неотвеченные звонки. Натали уставилась в широкое окно, выходящее на проспект с его многочисленными иномарками и стильно одетыми прохожими.

– Вот везет же кому-то! – с нескрываемой завистью произносила она каждый раз, заметив шикарный автомобиль или влюбленную парочку, не уступающую по шикарности автомобилю.

– Где находят обеспеченных мужчин? – задала извечный для многих девушек вопрос Натали.

– Каждому свое, – ответила по-философски я, с грустью взглянув в окно. Порой каждой из нас так хочется взвалить все свои материальные проблемы на достойного их выдержать мужчину. Поскольку мы – девушки с высшим образованием – ценим себя высоко и держим достойно марку, то простому пареньку остается пройти мимо, а шикарному мужчине... К сожалению, до него не дотягиваем мы. Его и автомобиль не догонишь на наших десятисантиметровых каблучках. Здесь нужен другой способ остановить автомобиль, только такой, который выдержит высокую конкуренцию, особенно в стольном граде Минске.

– Привет, девчонки! Как удачно, что я была рядом. Гуляла по ГУМу. Там распродажа белья от «Милавицы». Ничего интересного. Да и скидки не такие уж и большие, – здоровалась с нами Марго, целуя в щеки и попутно докладывая о распродаже. Это ее любимое занятие (делать покупки и говорить о них). Вообще, Марго – моя обожаемая подруга. Она смешная, слегка занудливая, и в тоже время неунывающая не аспирантка, но однокурсница по университету. Марго меняет имидж постоянно: то она блондинка, то шатенка, поменяла работу – сделала мелирование, рассталась с парнем – снова перекрасилась в цвет под настроение. Но все ее только красит. Она умудряется выглядеть всегда отлично, даже утром.

– Что вы пьете? Я так есть хочу. Давайте закажем пиццу одну на троих и по пиву, – щебетала Марго.

– Мы пьем кофе-глясе, – успела вставить предложение я в тираду подруги.

– Я пиво не пью, а пиццы кусочек съем, – ответила изголодавшаяся, конечно же, по мужскому вниманию Натали, ища глазами официанта.

– Как дела? – формальный вопрос задала Марго и получила такой же формальный ответ от меня: «Хорошо».

– Не очень, – ответила за себя Натали и попросила меню у подошедшего официанта, строя попутно глазки.

– А что такое? – спросила Марго, одновременно изучая меню.

– Все тоже... – ответила, вздыхая с грустью (официант не отреагировал на ее взгляды), Натали.

– Мужчины? О, это вечно больная тема, – начала Марго, вернее, продолжила начатое. – Уже просто надоело об этом говорить. Вот, где найти нормального мужчину?

– А такие разве бывают? – подметила разочарованная Натали.

– Если и ты уже так считаешь, то – нет, – согласилась Марго.

– О! Девочки, как все запущено. А мы ведь сами виноваты. Не верим в существование настоящих мужчин. Считаем всех козлами, вот они и прискакивают со своими рожками к нам, да еще с запасными для нас. Не правильно мы мыслим, – прочитала лекцию я.

– А как правильно? Если для них лучше безмозглые курицы, – засмеялась Марго.

– Нужно знать конкретно, кого мы хотим встретить: миллионера или благородного рыцаря.

– А не бывает, чтобы все вместе? – попросила Натали.

– Нет, конечно. Ведь идеальных мужчин не существует, – констатировала пессимистично настроенная Марго.

– Вот ты его и не встретила, потому что не веришь.

– Ай, ерунда все это, давайте о чем-нибудь другом поговорим.

– О чем? О работе, что ли? – спросила Натали.

– А что, больше не о чем? Вот, например, о твоём платье. Хорошо выглядишь.

– Спасибо. Этому платью два года. Еще одна большая тема затронута.

– Отчего же, винтаж сейчас в моде, – заметила я. – В «Glamour» Джей Ло вышла на красную дорожку в платье прошлых коллекций.

– Она вышла в наряде от Дольче Габбана, а я ношу платье от Китайсшито, – съязвила Натали. – Хоть бы кто дал денег на шопинг.

– Хотя бы на распродажи... – вздохнула Марго.

Вовремя принесенная пицца отвлекла моих подруг от пессимистического настроения.

Вообще, мы с подругами после окончания университета стали частенько собираться поболтать о нашем, вечном – девичьем. То в кафе посидим, кофе или пиво попьем, на что-то большее не всегда хватает денег. А когда весьма туго и пусто в кошельке, то летом встречаемся на набережной или в парке, а зимой – пьем чай у кого-нибудь в гостях. И нам всегда весело. Но, по-видимому, ноябрьская погода вводит в депресняк даже моих веселых подруг.

И встречаемся мы для поддержки друг друга или в экстренном случае – срочно реанимировать. Все остальное время занято у каждой из нас своей жизнью: работой, мужчинами, одиночеством. Последнее моих подруг не устраивает. Наверное, потому мы и стали собираться чаще...

...Позже я думала о том, что Натали права. Мы, девушки, не обязаны содержать мужчину, с которым знакомы два дня. С какой стати мы должны оплачивать счет за ужин, если в ресторан пригласил он. Я не считаю, что только мужчины обязаны платить за нас. Но в период ухаживания, будьте добры!

Натали не права в том, что поторопила события, и конфетно-букетный период резко перешел в период расплаты сексом. Но ко всему этому и мужчина оказался нахлебником. Может, я резка из-за того, что сама знаю, что такое сидеть дома, только потому, что нет денег на набойки. А весь день ешь тушеную картошку, приготовленную на три дня, как раз оставшихся до стипендии.

Стипендию нам, аспирантам, в отличие от студентов, платят высокую, но это все равно стипендия. Обещают на втором курсе оценить наши умственные способности и увеличить оплату в два раза. Может, тогда ее будет хватать и на набойки для туфель, и на обеды, и на прочие маленькие радости для девушек, которые стоят очень даже не дешево...

Какие мы аспирантки?

Все мы разные. И разные как внешне, так и в поведении. Все зависит от обстоятельств, окружения, деятельности, статуса окружающих тебя людей.

Мы порой думаем одно, говорим другое, делаем третье – все зависит от ситуации. В аудитории на лекции мы такие же, как и студентки, внимательно слушаем преподавателя, записываем в тетради. А он периодически напоминает, что мы уже не студентки, это не лекция, а беседа, поэтому нам необходимо включаться в нее. И тогда мы перестаем записывать его монолог, хотя и не нужно было начинать это делать. Мы же аспирантки, которые все знают. У нас есть свои мысли, взгляды и мнения. Мы – будущие преподаватели, поэтому можем рассматривать лектора как коллегу, общаться на равных, доказывая свою точку зрения. Мы же смелые аспирантки, а не послушные студентки.

В общем, когда нас призывают чувствовать себя на равных, мы так и поступаем – срабатывает инстинкт послушания со школьной скамьи.

А вот в кабинете своего научного руководителя на равных себя никогда не почувствуешь. Там только сидишь тихонько и боишься. Причем бояться начинаешь с подхода к двери кабинета, наверное, поэтому я так редко подхожу к ней. Так вот, с научными руководителями мы сами не свои. Выслушиваем в очередной раз, что неправильно написана статья и глава к диссеру. И нас снова начинают исправлять. Точнее, исправляют ими же исправленное. А нам, аспиранткам, остается молча соглашаться и мило улыбаться. Некоторые даже льстят своему научному руководителю, задабривают его подарками, и тем самым подтверждают их неправильно сложившееся мнение о тебе. А внутри каждой из нас все противится этому, но продолжаем терпеть. Особенно возмущает то, что исправляют не твой текст, а уже переделанный руководителем, за долгие к нему походы за исправлениями. В такие моменты нам, аспиранткам, хочется сказать, что не нужна такая диссертация нам. Но мы молчим. А почему? Потому, что где-то в глубине души все же осознаем, что это нам нужно, и что руководитель прав.

Мы смелые, раз взялись за этот нелегкий научный труд и тянем его до финала. А каким он будет, это уже другой вопрос. От него зависит то, какими мы станем.

Какими нас воспринимают преподаватели? Тоже разными, но не такими, какие мы есть. Ведь то, что они видят – это наша игра, очередная послушная роль. И если нас плохо оценивают, значит, мы плохо играем. А, может, это так и было задумано.

Итак, мы бываем разными. А когда же мы настоящие, такие, какие есть? Ответ прост – когда остаемся наедине с собой. В этот момент нас никто не видит и не знает, насколько мы хорошие, совершенные, умные, смелые. Немного больше знают об этом только твои подруги. Мы собираемся вместе и не замечаем, что ведем себя естественно. Мы расслабляемся в кругу своих единомышленниц, с которыми нам хорошо, и которые больше всех на свете нас понимают и любят.

Правда, собрать нас всех в одну компанию – невозможно! Мы все разные и мои подруги не обязаны дружить между собой. Притом, Натали с Ринатой недолюбливают друг друга. Иногда мы пересекаемся все вместе, и у них появляются общие темы для обсуждения. Одна из них, конечно же, не диссертация, а – мужчины. Кстати, они уже давно могли написать диссертацию на эту тему, особенно Натали.

Но всех нас объединяет один университет. Мы все в нем учились.

Джентльмены предпочитают блондинок

Вечер пятницы – наш, девчоночий – «тяпницкий». Мы с подружками постоянно собираемся в кафе, баре, или там, где есть место. Нам повезло, мы нашли место под крышей милой кафешки. И вот в этот женский вечер обсуждаем, конечно же, мужчин. Я думаю, что у мужчин таких вечеров больше. Нашей женской компанией мы делимся новостями за неделю.

Итак, расчетливая Натали познакомилась с чиновником из охраны природы. От первого свидания (в воскресенье) была в восторге. Обед в кафе, «прогулки» в автомобиле по городу. В понедельник, вечером, он забрал ее с работы и отвез в кафе на окраине города. «Романтик», – подумала она. «Подальше от знакомых глаз», – подумал он. Во вторник они поехали в винный бутик, выбирать по ценникам вино – розовое «Бордо», и конфеты «Мерси». Пили на старой служебной квартире. Не допили, не доели, секса тоже не было. В среду ожидания Натали не оправдались, вместо желаемых цветов, кино и ресторана, поехали допивать вино и доедать «Мерси».

– И... – спросили мы.

В четверг – он не позвонил. Натали сделала вывод: все чиновники чего-то и кого-то боятся, и, вдобавок ко всему, они чересчур практично-экономные.

Марго на этой неделе познакомилась с художником-дизайнером. На втором свидании он представил ее своей маме. Казалось, на третьем сделает предложение. Но поменялась погода, а вместе с ней и настроение художника. На горизонте засияла новая муза. Вывод: не влюбляйтесь в творческих личностей, они часто меняют муз.

Рината, умная девочка, скромно промолчала о своих дипломах, которые она получила намного раньше, чем ее слишком хвастливый взрослый ухажер. Он, как и все предыдущие ее кавалеры, видел в ней всего лишь блондинку с голубыми глазами, не воспринимая ее магистерскую ученую степень. Такие умники любят наивных дурочек, которые, моргая длинными ресницами, восхищенно произносят: «Вау!». Наверное, боятся признать поражение своего ума против женской логики. Рината умно рассталась с надоедливим глупцом.

Так, обсудив новости за последнюю неделю, мы набираемся советов и дружеских предостережений в отношении определенных типов мужчин. И, наученные чужим опытом, снова совершаем ошибки.

Но в субботу я учла чужие ошибки при знакомстве с молодым человеком, который тут же предложил покатать меня по городу и...

– Я закончила магистратуру и дурочку из себя строить не буду. А вообще, я не люблю розовое вино и немецкие конфеты, – чисто по-женски ответила я на простое предложение.

Одиночество

...Я сидела в комнате за столом над диссертацией. Все вокруг было завалено папками, из которых высовывались отскерокопированные листы бумаги формата А4, и вопросительно поглядывали на меня. Некоторые части будущей диссертации лежали поверх папок, на стуле, кровати. Те, что на кровати, – их можно считать готовыми страницами моего главного труда. Их было меньше всего.

Передо мной лежала толстая раскрытая тетрадь из рода канцелярских книг. Она, по своему предназначению, хранила рукописный вариант будущей диссертации. Компьютера у меня не было, не могла я себе его позволить за аспирантскую стипендию, притом, когда назревали более важные и необходимые покупки: одежда, обувь, косметика, еда, походы в кинотеатр и кафе. И вообще, я удивляюсь самой себе, как мне еще хватает на этот список стипендии. Но, об этом потом. Снова отвлеклась. Вот так всегда и происходит – стоит приступить к написанию моего научного труда, как тут же в голову лезут мысли совершенно псевдонаучного плана, а если и научного, то о жизни вообще. И тогда вместо нужных вопросов: «Где в методологической части главы синтез, а где анализ?», я задаю следующие: «Зачем поступила в аспирантуру? И почему я одна? Почему у меня нет мужчины, который... хотя бы заварил мне чай? Почему мне нужен серьезный мужчина, настоящий, который помог бы найти синтез и анализ не только в моей диссертации». Из-за отсутствия в данный момент такого, заварю чай себе сама. Вот, снова отвлекаюсь. Все, что угодно, лишь бы не диссертацию писать. Но чай мне помогает, успокаивает, собирает разбросанные и стремящиеся в разные стороны мысли. А после выпитой чашечки чаю, я снова начинаю перекладывать папки с главами и отдельными частями моего будущего научного труда. И на столе начинается великое переселение листов с напечатанным или отскерокопированным из толстых умных книг текстом. Иногда, после таких исследований, в моей канцелярской книге появляется новая запись, логическая связь с последующей главой. Хорошо, если это произойдет за то время, на которое у меня хватает терпения. Но, просидев от силы два часа за столом и поперекидывая свои рукописи, я снова сваливаю все в одну стопку. Освободив стол, я переключаюсь на что-то другое. Например, привести свое лицо в порядок – нанести легкий макияж и пойти прогуляться по любимому городу. Ради которого я пошла на такие жертвы и отдала себя науке.

Люблю Минск, все о нем знаю, начиная с 1067 года. Нет, я не из рода вечных горцев, просто учила историю, да и весь мой научный труд посвящен его архитектурным памятникам. В Минске можно гулять, спокойно изучая старое и открывая для себя что-то новое.

Так что, я иду на свидание с моим любимым городом. Можно ходить вдоль улочек старого города с сохранившимися архитектурными памятниками. А можно посидеть на скамейке в каком-нибудь сквере или парке, полюбоваться могучестью деревьев. Или пройтись по набережной, понаблюдать за течением Свислочи, а еще можно кормить уток, купив при этом хот-дог. Сосиску с треть булочки съедаю я, остальное – утки. Они всеядны, городские утки. И я наслаждаюсь городом.

И никто мне не мешает: ни снующие прохожие, ни шумный транспорт, потому что все это часть его, большого города, которому на все наплевать. Может, поучиться у него этому спокойному восприятию суеты и равнодушию?..

Где живут аспирантки?

Большинство из нас, конечно же, живет в общежитии, а иначе, для чего тогда стоило тратить столько серого вещества, чтобы поступить в аспирантуру. Ведь это еще один шанс для иногородних удержаться в Минске и не платить за дорогие съемные квартиры. А всю стипендию, ну, не считая той небольшой оплаты за общежитие, можно тратить только на себя. И на диссертацию, само собой разумеется.

Так что аспирантками, получающими общежитие, в большинстве случаев движет самый важный мотив для осуществления своей цели. И это не служение науке, и даже не мечта стать кандидатом. Это намного проще, примитивнее, но для нас самое-самое – остаться жить и работать в Минске. Вот такой простой мотив. Конечно, можно было и другим способом остаться в Минске: снять квартиру, устроиться на хорошо оплачиваемую работу, не сушить себе мозги да не портить нервы. Но порой многие расплачиваются своим здоровьем за получаемые блага. Хотя нет ничего дороже нашего здоровья!

Так, может, причина все же в другом? Может, она была все это время спрятана глубоко в подсознании и направляла нас на действительно правильный и нужный путь? Ведь, несмотря на все «прелести» (можно и без кавычек читать) аспирантуры, мы ощущаем себя выше (не по физическому росту), умнее. У нас появляется еще больше путей для самореализации. Стремление познать еще больше – вот истинная причина, которая двигала тебя, подталкивала к дверям аспирантуры. Желание узнать, что же это такое – аспирантура, доказать себе и всем, что каждая из нас сможет закричать: «Я стала аспиранткой! Я – кандидат в кандидаты!». Я же тихо, но радостно добавлю: «И как здорово, что дают общежитие и стипендию».

Кстати, говорят, что стипендию повысят после аттестации. О! Аттестация на носу. Как ее достойно преодолеть и перейти на следующий уровень сложно запрограммированной игры?

Значит, про общежитие. Для многих – это кошмар, от которого при одном упоминании встают волосы дыбом. Для кого-то – халявная жизнь, главное при этом нужно быть гиперобщительным. Это значит, пока обойдешь всех знакомых, голодным не останешься. Вот так и живут студенты весело. Но мы, между прочим, не студенты, а аспиранты. Но согласимся, что в общежитии прожить всегда легче. Особенно нам, опытным, бывалым. Зайдешь в гости на чай к подруге, к китайцам, живущим в общежитии по обмену опытом (правда, какого опыта непонятно), на ужин, чтобы тем самым научить их правильно есть вилкой. Поскольку мы – элита, то не такие наглые и голодные. О нас заботились те, кто начислял стипендию, берег наши и без того стройные фигуры.

А вообще мы любим собираться в свободные вечера друг у дружки, пить кофе с шоколадкой на троих.

Аспиранток, к сожалению, не заселяют в индивидуальные апартаменты. Говорят, что раньше только так и было, дабы не мешали посторонние писать великое научное творение. Жаль, что нам в ту «золотую пору» не довелось пожить. Поэтому приходится жить с себе подобными или с магистрантками. Мне повезло, моя соседка – аспирантка – только числилась в комнате, а жила в квартире своего парня. И я наслаждалась свободой и, конечно же, спокойным созданием своего труда, благодаря которому и жила в общежитии.

Рината делила маленькую комнатку с высокой магистранткой Танюшей – бывшей моделью. Да-да, у моделей есть не только ноги...

Ирине приходилось делить общее жилье со старшекурсницей – ужасной особой, настоящей серой мышью, которая питалась только черным хлебом с чесноком. Цвет лица и волос от такого образа жизни у нее были серыми, чтоб под одежду подходили. Она оканчивала третий курс, собиралась преподавать в университете. Бедные студенты! И бедная Ирина, у которой с соседкой были постоянные конфликты.

Я жила одна в целой комнате. Моими соседками были только огромные папки бумаг, все время смотрящие на меня с немим укором.

Остальные аспирантки жили в Минске с рождения. Спрашивается, зачем им нужна аспирантура? Неужели прирожденные кандидаты? Ответ прост: надо же кому-то преподавать у аспирантов.

Натали снимала квартиру, которую ей помогали оплачивать ее часто меняющиеся мужчины. Марго снимала комнату у минской подруги.

Но всем нам хотелось испытать ощущение дома.

Оказывается, так важно осознавать, что у тебя есть свой дом. Пусть это будет маленькая однокомнатная квартирка или большой дом родителей. Ты знаешь, что это твой дом, куда всегда можешь приехать из путешествия, прийти с работы, вернуться после окончания аспирантуры. Мы, аспирантки, живущие в общежитии, стремимся сбежать из родительского дома, чтобы жить своей самостоятельной жизнью, не контролируемой никем. Но ощущение того, что есть родители и дом, в который ты всегда можешь вернуться, помогает и в то же время не дает начать по-настоящему самостоятельную жизнь. Не выпал из гнезда полностью, что называется. Вот и живешь в общежитии или на съемной квартире. Вроде как надеешься, что сможешь создать свое гнездо самостоятельно и в тоже время лелеешь мечту о встрече с принцем, который приползет к тебе как черепаха со своим домом.

Для многих из нас аспирантура – это своеобразное гнездо, где тебя учат летать в большом мире, поддерживают материально, «подкармливают червячками», чтобы ты научился самостоятельно вспорхнуть в науке, которая, как огромная птица, накроет своим крылом.

И роковой день настал...

День аттестации и перевода на второй курс аспирантуры наступил. Все волнуются, а зря, говорят старшекурсники. Все самое страшное будет впереди, когда тебя переведут и дотянут до конца учебы, а уж потом как востребуют с тебя за все три года, так что лучше бы не аттестовали на первом курсе.

Выходит, что первая аттестация всего лишь театр абсурда?

Все аспиранты-первокурсники выглядят как нарядные зрители, которым придется по случаю выйти на сцену и сыграть свою роль. А от того, как ты сыграешь, будет зависеть судьба твоей дальнейшей пьесы.

Мы стоим в коридоре университета перед дверью кабинета проректора по научной работе. Мне эта дверь знакома, как дверь в царство Снежной королевы. Неужели, только я одна ее боюсь? Все спокойны, уверенно делятся своими отчетными планами друг с другом. Нет. Если присмотреться и прислушаться, то они просто сравнивают себя с другими. И как студент в самый последний момент пытается что-то еще ухватить, так и аспирант выискивает у другого то, чего нет у него. Это все равно, что в той сказке: пойдя туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что.

– Ой, а мы будем отчитываться перед всеми? – испуганно произнесла аспирантка-минчанка, крупная высокая молодая женщина (ей 30 лет). И мне тут же стало спокойно. Бояться все: и взрослые, и дети. И сразу же в подтверждении своих мыслей я услышала знакомую мне фразу:

– Я больше всего боюсь проректора по научной работе. Говорят, она всех рубит, – призналась все та же пугливая аспирантка, сеющая зерна страха среди и без того нервных аспирантов.

– Алина Марьяновна?! Чудесная женщина! – с восторгом о проректоре отозвалась аспирантка, которой я дала кличку выскочка. Она относилась к типу аспиранток, которые сунут свой нос, куда попало, и раздают всем научно обоснованные советы без надобности. Главное, чтобы все послушали, какая я умная, какая я молодчина.

Но, слава Богу, выскочку никто не поддержал. Оказывается, дрожь в коленках от взгляда Алины Марьяновны ни у одной меня появляется. Мне так хотелось послушать еще про оправдывающее мое волнение в царстве Снежной королевы, как вдруг дверь замка открылась, и Полина Тимофеевна пригласила нас войти в кабинет...

Полина Тимофеевна – начальница отдела аспирантуры. На первый взгляд, милая женщина, которая ко всем относится как к своим детям, даже чересчур заботливо. Этакая добрая фея. Но если посмотреть с горы отучившихся лет, то она – самая приближенная придворная Снежной королевы. Она с помощью своей приветливой улыбки заманивает всех магистрантов в замок Снежной королевы и замораживает их мозги, оставляя в нем только желание учиться и писать диссертацию. Как будто для других целей мозги твои и не предназначены. Поначалу так и происходит. Ты регулярно посещаешь занятия, она отмечает явку каждого в специально предназначенном для этого журнале. Всегда дает напутствие, скорее, заклинание на поход в библиотеку, архив и на самое важное – создание диссертации. И ты послушно все выполняешь, да так бы и дальше продолжал, если бы Полина Тимофеевна не была слишком занятой женщиной. Как только она дает слабину – не появляется с журналом перед началом занятий, тут же мозг аспиранта, если не успел «слишком отмерзнуть», начинает оттаивать и замечать другие стороны прекрасной жизни в аспирантуре. Привычка вырабатывается за двадцать один день, а мы, к счастью, учимся только четыре дня подряд. За три дня успеваем оттаять. Но не все.

Но, по крайней мере, Полину Тимофеевну никто не боится, поначалу ее все только любят...

Итак, «показ» серьезного научного представления начинается. Прошу занять удобные места.

На «сцену» первой выходит Алина Марьяновна. Окидывает всех пронизывающим взглядом из-под очков, приветливо улыбается, но от ее улыбки пугливая аспирантка тяжело вздыхает в углу.

– Присаживайтесь, молодые аспиранты, – говорит (точнее, приказывает) Алина Марьяновна. – Надеюсь, вы будущее нашей науки. И сейчас оправдаете свое достойное звание аспиранта, отчитавшись за год о проделанной работе.

Потом она обращается ко всем собравшимся научным руководителям каждого аспиранта и просит начать с конкретной кафедры, в общем, по порядку.

Мое внимание немного рассеяно. Я не понимаю, что будет дальше и почему она не начала с меня, то есть с моего отчета? Я же ее подчиненная. Ой, подначаленная. Опять не то. В смысле, я ее аспирантка.

Но первой к трибуне приглашается та, которая больше всех боялась. Она так нервно доставала из своей папки листок с отчетным планом, что в итоге его порвала.

– Не волнуйтесь вы так, – поддержал выступающую ее научный руководитель.

– Молодец, серьезно относится к нашему мероприятию, – после такой одобряющей фразы проректора по науке, пугливая аспирантка заговорила как отличница, которая вызубрила весь текст экзаменационного билета.

– Все, – выдохлась она.

Но это было только начало. Тут же на нее посыпались вопросы преподавателей с других кафедр, ищущих возможность использовать эти научные исследования и в своих целях. Например, будет ли им легче прикручивать лампочку, зная о законах гравитации. Или смогут ли они спать спокойно после того, как выслушают достоверные факты авангарда.

Научный руководитель аспирантки воспринимает такую атаку как камень, брошенный в свой огород, и запоминает тех, кто больше всех «валит» его подначаленную, чтобы при удобном случае тут же вернуть этот булыжник.

Пугливая аспирантка так разволновалась, что перепутала свои предметы с объектами, как в бумагах, так и в голове.

– Соберитесь с мыслями и прочитайте, что вы написали в своем плане, – взяла дело в свои руки Алина Марьяновна, мудрая женщина. Этим самым она разрешила нам всем читать с листа, который большинство из нас держало в руках и пыталось заучить на память. После таких слов, аспиранты спокойно отвели глаза от листов, но, не выпустили их из рук, а посмотрели на «сцену».

Снова тяжело вздохнув, пугливая аспирантка быстро прочитала свои записи. Лучше бы она этого не делала. Потому что на нее опять посыпались вопросы.

– Это они на первом выступающем так отрабатывают, – шепнула мне Рината, сидевшая за мной. – Надеюсь, я буду где-нибудь в конце.

– А что, так лучше? – шепотом спросила я.

– Конечно. Им всем надоест. И сама знаешь, внимание будет уже рассеянным.

– Так, в каких конференциях вы принимали участие? Какие статьи вышли у вас за этот год? – интересовалась Алина Марьяновна. – Полина Тимофеевна, сколько по плану должно быть статей за первый курс.

– Чем больше, тем лучше, – пошутила заведующая нашим отделом, пытаясь разбавить серьезную обстановку.

– Я спрашиваю точное число, – без юмора в голосе потребовала Алина Марьяновна.

– Три. Две обязательно должны быть уже напечатаны, – протараторила Полина Тимофеевна. Тут уже моя очередь пришла спокойно вздыхать – у меня как раз две статьи напечатанные есть. Вот только нет третьей. Где взять третью? Надо срочно что-то придумать. Сейчас послу-

шаю, в каких изданиях печатаются научные статьи аспирантов, и допишу себе. Скажу, что отдала, и жду очереди. Позже я узнала, что такой отмазкой пользовались почти все аспиранты.

– Сколько у вас напечатано статей? – обратилась Алина Марьяновна к выступающей. У той оказалось их пять. Она смогла просунуть свои статьи во всевозможные научные издания. Чем и реабилитировала неудачное начало выступления. Пугливая аспирантка была похвалена и, получив нравоучительные советы на дальнейший учебный год, спокойно отпущена на свободу. Она покинула «наш театр» до следующего года.

– Кто следующий? – спросила проректор по научной работе, обращаясь почему-то к «присяжным». Тогда ей следовало бы построить вопрос по-другому: «Чей следующий?».

Следующей снова была не я. И когда прошел час, и нас осталось не так уж много, я успела немного успокоиться, и унять свое волнение. Слишком захватывающим было «представление». Это отвлекло от мыслей о предстоящей моей игре, и я стала наблюдать за другими героями этого «спектакля».

Я открыла для себя одну истину: по тому, как одевается аспирант, можно определить, каким ученым он будет. Да, стиль одежды выдает каждого.

Вот, например, стиль выскочки, которая сейчас выступает за трибуной. Уверенная, активная девушка в очках, обрамленных черной роговой оправой, на ее маленьком носике, всегда стремящемся вверх. Буквально все части ее тела говорят: «Перед вами будущий кандидат наук!». Этакая важная особа в строгом сером костюме с иголки, за которым она спрятавала свою молодость, чтобы казаться еще взрослее и умнее. Неужели ради этого нужно превращаться в занудливую старуху, всезнающую и не переубежденную.

– У вас есть готовый текст диссертации, семь научных публикаций, но это не дает вам повода останавливаться на этом, – начала свою нотацию, как обычно, Алина Марьяновна.

– Алина Марьяновна, могу ли я вас попросить за свою аспирантку? – перебил ее начатую речь научный руководитель выскочки. – Мы будем продолжать усовершенствование диссертации. Но я бы хотел дать ей несколько преподавательских часов на нашей кафедре. Она показала отличные результаты во время педагогической практики.

– Вы же знаете, что аспирант не имеет права работать, чтобы не отвлекаться от своего предназначения.

– Алина Марьяновна, это никак не отвлечет меня. Наоборот, поможет выполнить практическую часть научной работы, – подмазалась выскочка.

Да, с таким арсеналом заслуг – статьи выше нормы, готовый текст – можно сразу в Академию наук. Научный мир разбогатеет, но бедные студенты...

– Что ж, если это не мешает ее основной научной работе, и на кафедре действительно есть острая необходимость в ней, можете дать аспирантке несколько лекций, – согласилась проректор университетской науки.

Не то чтобы я была негативно настроена по отношению к этой выскочке, и вовсе не чувство зависти поселилось во мне. Просто я не понимала, зачем быть такой серьезной, слишком важной, если можно и проще объяснить свои научные исследования, чтобы они стали понятны не только узкому кругу ученых, но и обывателям, которые захотят повысить свое образование. Правда, на ее исследовании заморочишь голову совершенно ненужной информацией и сломаешь язык, пробуя выговорить ею же придуманные термины. Что ж, руководители рукоплещут будущей грозе студентов.

Следующим на сцену выходит будущий кандидат науки в мужском облике. Почему я снова так критична и сурова? Потому что мужчиной, в моем понимании, такой образ не назовешь. Глядя на такого аспиранта мужского рода, складывается впечатление, что он не моет волосы перед аттестацией, как студент перед экзаменом, чтобы не смыть знания. Студенческая примета вошла в привычку и приобрела новые формы у этого аспиранта – не расчесываться. Я, конечно, понимаю, что все мы творческие личности и таким образом проявляем себя. Но

кричащая несовместимость стилей одежды тоже выделяет его из толпы. Казалось, его вид так и заявляет: «Мне все равно, что подумают другие! Я – аспирант! Я кандидат в кандидаты философских наук! И я не обращаю внимания на мелочи и на шушеру всякую...».

Другой представитель мужской науки дополняет первого. Эта, так же как и предыдущая, слишком индивидуальная личность. Длинные, волнистые, неухоженные, как у дикаря, волосы. Строгий, но великоватый костюм, прикуплен, наверное, на вырост. Путь то в науке долгий, а денег на новый костюм может не появиться еще дольше. И существенное отличие его индивидуальности – длинные, но ухоженные ногти, за что мы с Ринатой прозвали его маникюрщиком еще в магистратуре.

Свою речь он произносил слишком заумно и занудно. Сначала преподаватели внимательно слушали, делали умный и понимающий вид, затем от тихой монотонности по очереди начинали зевать, затем стали перебивать его отчет, в итоге просили остановиться. Но не тут-то было, аспирант-индивидуалист продолжает говорить даже тогда, когда его просят занять свое место. Он что-то еще бормочет себе под нос, но, наконец, чувство такта и правила этикета пробрались сквозь дебри его ума и отключили звук.

Пришел черед Ринаты.

Я не ожидала, что и она может растеряться, или мне это показалось. Хотя, неизвестно, как ты себя поведешь за трибуной в роли выступающего. Это место – проверки твоих нервов. Детектор лжи, определяющий твое настоящее отношение к аспирантуре. Как будто все тебя проверяют на научную способность. В самом ли деле ты готов отдаться науке? Но не поздно-вато ли? Мы же проходили проверку в магистратуре. Для чего, спрашивается, вы занимались с нами весь год в аспирантуре, чтобы вот здесь, на премьере «спектакля» одного аспиранта, забросать его труд гнилыми помидорами?

В этот момент меня охватил страх, который сковал всю умственную деятельность и речевой аппарат. Только мысли гудели в голове в бешеном ритме. Что я буду говорить, как я буду оправдывать свою ненаучную деятельность? Как я им объясню, что мне нравится получать аспирантскую стипендию просто так! Проводить свободное время в свое удовольствие, спать до обеда, ходить по магазинам и только изредка заглядывать в библиотеку, а еще реже в университет. И как им объяснить, что я не люблю строгие костюмы серого цвета. Я вообще не ношу костюмы! И не собираюсь напяливать на нос толстые очки в роговой оправе, носить в руках огромные учительские сумки и забивать себе голову тем, что окружающие, да и ты сама, не понимаешь. Да, я не готова посвятить свои лучшие годы науке! В этот момент, мне показалось, что все на меня как-то странно посмотрели. Но я же не оглашала свои мысли вслух? Или проговорила? Это была не я! Это всего лишь мысль вылетела случайно из моей головы и материализовалась. Нет, все же я молчала. Значит, преподаватели умеют читать мысли. Может, все в науке это умеют, или только посвященные? Может, в ней не все так ужасно, как кажется. Так, нужно срочно подумать позитивно: я люблю науку, я не представляю жизнь без аспирантуры, ну только два оставшихся года, если вы мне их дадите. Теперь я мило улыбалась преподавателям и Алине Марьяновне.

Так, что там происходит с Ринатой? Похоже, что и под конец представления присяжные не устали, наоборот, взбодрились. Кажется, у них какой-то диспут развился. Молодец, моя подруга так уверенно отвечает, как будто понимает, о чем ее спрашивают, или она действительно их понимает? Вот уж кто настоящий науковед. Рината своим выступлением разделила «зрителей» на две части: приверженцев и непочитателей ее таланта.

«Актеры» все покидали и покидали сцену. Каждый уходил в совершенно другом настроении, сильно отличающемся до выхода на сцену. Представление подходило к завершению. В огромном кабинете остались я и аспирант с талантливым актерским мастерством. Он так правдоподобно отчитался, что захотелось ему заплотировать. Какой молодец! Его монолог был прекрасен, все ему поверили. Перевели на второй курс, но попросили предоставить реальный

результат его творчества к следующему заседанию совета. И вот на обозрение всей строгой комиссии я осталась одна. Почему меня оставили напоследок? И что это означает?.. Почему мой научный руководитель закрывает свою папку и снимает очки?

А как же я?! Вдруг вся моя научная часть встрепенулась, и я поднялась. Дайте мне слово, я тоже хочу выступить, я же так готовилась!

– Осталась моя аспирантка. Мы с ней идем пока медленными шагами, но уже уверенно, – ответила за меня Алина Марьяновна, мой научный руководитель. Было такое ощущение, что не только в науке.

– Мне рассказать о проделанной работе? – не выдержав, спросила моя научная самостоятельность.

– Я думаю, что мы можем закругляться, – предложил профессор и заведующий кафедрой, к которой относилось мое будущее звание. – У аспирантки Алины Марьяновна, несомненно, работа идет большая.

Как? Вы даже выслушать меня не хотите? Но от всех «присяжных» послышалось:

– Мы тоже не сомневаемся...

– Да, мы согласны...

– Можно заканчивать на этом.

Если они устали и решили объявить финал, то почему на мне? Ощущение незаконченности беспокоило меня больше всего:

– У меня напечатано две статьи в научных изданиях...

Но меня перебил строгий голос моей руководительницы:

– Хорошо, сдайте свой отчетный план Полине Тимофеевне, и можете быть свободны.

– И все? – снова спросила я, так жаждущая выступить. Я даже речь подготовила. Но все мои попытки пресекли на корню.

– Идите, работайте над диссертацией и статьями, – сказала Полина Тимофеевна, забирая у меня отчетный план, и добавила: – Поздравляю!

– Спасибо. До свидания, – повиновалась я и вышла из кабинета. Даже не зная, радоваться мне или огорчаться.

На коридоре меня ждала Рината.

– Ну, что? – спросила она.

– Не знаю, вроде все нормально, – пожалала плечами я.

– А чего сомневаешься?

– Они меня даже не выслушали, сказали идти работать над диссером.

– Значит, перевели! Поздравляю!

– А что, разве кого-то не перевели на второй курс? – удивилась я, что не заметила ничего подобного.

– С нашей части аспирантов все будут учиться дальше, а вот с другого потока, говорят, есть проблемы у некоторых. Но главное, что мы прошли! – сделала вывод довольная, но измученная Рината.

– И что теперь делать? – растерянно спросила я.

– Как что? Отмечать! Надо же стресс снять!

И мы с Ринатой пошли в столовую нашего университета.

Вечер воспоминаний

– А помните, о чем мы мечтали в детстве? – спросила Ирина, будущий кандидат психологических наук, когда вечером собрались в комнате Ринаты, чтобы еще раз отметить наш перевод на второй курс аспирантуры. Правда, Ирине это еще предстояло, так как ее научный руководитель был в командировке, а без него аттестация не может состояться. Ирина – психолог не только по образованию, но и по душевному призванию. Она обаятельная, остроумная, с заразительным искренним смехом и с аристократической внешностью. Проблем с мужчинами у нее практических нет. Она же психолог «с сапогами».

Так вот, переход на новый уровень научного мира мы сначала отметили пивом, закусывая крабовыми палочками, затем ждали, когда свариться картошка. Слегка опьяневшие, окунулись в воспоминания. Как обычно начали с бывших мужчин. А когда наши желудки были набиты картошкой с маринованными огурчиками, собственноручно приготовленными хозяйственной Ринатой, сытые и довольные, стали вспоминать самую беззаботную пору жизни – детство. Хотя мы не так далеко от него ушли, но наше детство прошло в великую эпоху СССР, точнее, в завершающую его часть. Тогда мы не понимали всей сути того времени. Главное – нам было хорошо.

Каждое лето все мы проводили у своих бабушек. Озеро, свежий воздух, гурьбы детишек с разбитыми коленками. Все настоящие фантазеры и выдумщики забавных уличных игр.

В какой-то момент мне показалось, что с детством и атмосферой той эпохи мы так и не расстались. Собираемся по очереди друг у дружки в гостях и делимся последним. Как и тогда, в детстве, со всей улицы собирались дети в одном доме, где чья-то бабушка кормит всю эту ораву блинчиками, следующая накормит ужином, а бабушка Славика вкусно готовил драники. И было изумительно весело. Весело, как и нам сейчас.

– Давайте попьем чаю, – предложила Татьяна, бывшая модель подиума, теперешняя модель магистратуры и соседка Ринаты. – Я с детства хотела быть модельером, – продолжила она, когда принесла к чаю сушки и включила электрочайник (мы же аспиранты и можем себе его позволить). – Вот, можно сказать, и осуществляю свою мечту.

Татьяна подрабатывала тем, что шила костюмы артистам. Для артистов, видимо, важно, чтобы портниха была с образованием выше высшего.

– О, чай с сушками! Да еще и ванильными! Здорово! – воскликнула я с детским восторгом. – А помните, когда мы приезжали школьной экскурсией в Минск, то покупали связку ванильных сушек для дома.

– Да! Мы тогда ездили в цирк. Помню, как выстаивали в очередях за этими сушками. Я любила их одевать на шею как бусы, – довольно улыбаясь, вспоминала Рината.

– Да, – с грустью вздохнула Ирина, – а сегодняшние дети едут в Макдоналдс за хэппи-милом.

– Бедные...

– Не сказала бы, у них сейчас все есть, и такие игрушки, которые нам и не снились.

– Зато у них не было столь богатого на вымыслы детства, как у нас, – заметила Ирина.

– Действительно. Помните, какие забавные куколочки получались из одуванчиков? Я всегда срывала с самыми длинными дудочками, из которых получалось сделать длинные волнистые волосы, – вспомнила с восторгом Татьяна.

– Ага, а ручки и туловище были из веточек или спичек, – согласилась Рината.

– А из коробок из-под обуви делали домики для них, – добавила я.

– А секретики, помните? – спросила Ирина.

– Цветные стеклышки, которые закапывали в землю? Я помню, закапаю их столько, что потом найти не могу, – рассмешила нас Рината.

- Разве играют так современные дети?
- Да они покрутили бы пальцем у виска.
- Потому что у них воображения не хватит увидеть в одуванчике прекрасную куклу.
- Зато, они будут компьютерными гениями...

Так мы пили чай с ванильными сушками, находясь в детстве.

И пусть в нашем детстве не было Барби, компьютеров, хэппи-мила. Пусть вместо этого была искусственная черная икра, корочка хлеба, намоченная водой и густо посыпанная сверху сахаром – это было так вкусно! Несмотря на длинные очереди в магазинах, где продавцы выстригали купоны, с которыми мы потом играли в магазин с подружками, у нас было замечательное детство. Именно оно вырастило нас дружелюбными, совестливыми, соперничающими подругам. И самое главное – богатыми на творческое воображение! И может, мы сейчас стали аспирантами благодаря нашему детству? Ведь детство закладывает основу для будущего, и каким оно будет, решать тому беззаботному периоду.

Пусть мы пока не стали кандидатом наук, модельером или психологом, даже просто счастливой семейной женщиной, главное – у каждой из нас есть своя мечта. Просто нужно не упустить возможность, предоставляемую жизненными обстоятельствами для осуществления заветной мечты. Уцепиться за хвост этой витающей рядом птицы, крепко держать, пока она не станет вашей реальностью. А иначе... Иначе нас ждут разочарования в жизни от того, что так и не стали теми, кем мечтали. И этот яркий жизненный период, пусть даже в аспирантуре, нам дается для того, чтобы мы использовали все возможности, чтобы потом не остаться у разбитого корыта из нашей бывшей мечты...

Как пойти в библиотеку?

Правильнее было бы спросить: как заставить себя осуществить поход в Национальную библиотеку. Все ее называют «ленинкой».

Проблема в том, что я с трудом заставляю себя посетить университетскую библиотеку. А когда туда пришла, то обнаружила, что там нет необходимой информации. Остается только – сокровищница страны – ленинка.

Дело в том, что от слова «библиотека» становится скучно. Но кто виноват в этом?..

Помню, энтузиазм по посещению «ленинки» был в магистратуре, когда я еще рвалась учиться, исследовать и искать что-то новое. Странно, мы ищем новое во всем уже исследованном и написанном, более того – запечатленном в книгах.

На аттестации я получила напутствие от своих покровителей – работать над диссертацией, и пока его действие свежо, то мне оставалось только пойти в библиотеку.

В каталожном отделе я просидела целый час! Лучше бы воздухом в близлежащем парке подышала, а не пылью. Я просматривала карточки, расставленные по алфавиту и скрывающие зашифрованную информацию. Фэбээровец никогда бы не разобрался в этих шифрах, номерах отделов, и что под буквой «А» скрывается «общий зал», где находится нужная литература. Жаль, что специального зала для аспирантов нет. Его можно было бы удобно обустроить: вместо деревянных стульев – кожаные диваны, за круглыми столиками – бесплатный кофе с печеньем. А книги приносят открытыми на нужной странице. Эх, мечты...

На данный момент, за не имением специального аспирантского зала, мне нужен зал искусства – под буквой «М». Итак, заказав нужную для диссертации литературу, отстояв большую очередь, я уселась за «музейный экспонат». Такие столы были еще в фильме «Москва слезам не верит», когда героиня Ирины Муравьевой пришла в библиотеку в поисках мужчины своей мечты. И мои глаза, как бы случайно, стали рассматривать присутствующих здесь мужчин.

У окна пожилой мужчина в огромных очках. Его стол завален толстенными книгами. Он, наверное, всю жизнь посвятил науке, и сейчас известный профессор, но я его не знаю. За столом у стены – два студента, первокурсники, они только начинают делать первые шаги в библиотеке. Повзрослев, найдут другие способы добычи информации для своих курсовых работ. А пока заказывают огромные книги, чтобы их не сдуло сквозняком. О, вот зашел в зал мужчина. Нет, он сопливый, продуло сквозняком или аллергия на библиотечную пыль, к тому же женат. Вместо того чтобы с женой заняться эффективным способом лечения, по библиотеке микробы разносит. В общем, не густо. И ничего интересного...

Не найдя, на ком остановить свой взгляд, я стала рассматривать библиотекаря в процессе работы. Она принимала заказы на книги у длиннющей очереди. Это была женщина пятидесяти лет в стиле учительницы пятидесятых годов из Сибири. На это указывала длинная вязаная жилетка, огромные очки в пластмассовой оправе на пол лица. Очки периодически съезжали с переносицы на кончик носа и с помощью указательного пальца возвращались на место. Вместо того чтобы подумать над умной строчкой для диссертации, я увлеклась забавными очками библиотекаря. Оказывается, они сползали в зависимости от просьбы посетителя. Например, блондинка, случайно зашедшая сюда (кстати, женские журналы здесь не выдаются), просит книгу, но название и автора не помнит, зато там есть картинки черно-белые, а сама книга была очень большой и толстой, и еще – обложка зеленого цвета! От такой богатой характеристики книги очки съехали на кончик носа, а брови библиотекаря взлетели вверх:

– У нас тысячи книги в фондохранилище. Вы представляете, как среди такого количества найти книгу по такому описанию! – очки вернулись на место с помощью указательного пальца,

брови медленно опустились. А блондинка отправилась на поиски новых улик интересующей ее книги.

– Следующий! – строго произнесла женщина, от чего застенчивый и дрожащий от старости профессор с ходу выдал правильную информацию и даже указал номер места книги в хранилище. Да, в стрессовых ситуациях у людей могут проявиться экстрасенсорные и телепатические способности. Очки слегка опустились, но не до самого кончика носа, чтобы смогли вернуться на переносицу всего лишь подъемом головы.

– Кто заказывал книги по архитектуре? – раздался голос девочки-практикантки, прибежавшей из хранилища.

Работа «приема» заказов остановилась. Дама с очками осмотрела всех присутствующих в зале и вдруг ее взгляд остановился на мне:

– Вы! Вы заказывали книги по архитектуре! – это был не вопрос, а приговор, от которого я вздрогнула и тут же спохватилась. Точно, это же мои книги.

Этой женщине надо было работать в каком-нибудь следственном отделе.

Устроившись за столом с талмудами по архитектуре, я принялась выписывать интересные для меня, скорее, интересующие мою диссертацию, факты.

Энтузиазма на перечитывание, переписывание и осмысление обычно хватает ненадолго. Максимум – час и двадцать минут. После такого кропотливого труда я правильно переписываю названия книг и выхожу из читального зала, чтобы сделать спасительный звонок другу – Натали.

– Привет! Я сейчас в библиотеке, – говорю. О своем приходе не сообщаю сразу, чтобы не соблазнять себя чаепитием с долгими разговорами в ее рабочем кабинете или буфете библиотеки. – Ты сможешь достать мне несколько книг? Я бы хотела их взять на пару дней домой, если возможно.

– Перечисляй, что тебе надо, я посмотрю по базе, что смогу взять на руки, – слышу прекрасный ответ, согревающий мою совесть, которой я обещаю поработать дома, ведь там обстановка лучше и теплее.

Итак, из своего списка книг я на большинство получаю положительный ответ и с радостью сообщаю Натали:

– Спасибо! Я к тебе скоро зайду, – и с довольной улыбкой возвращаюсь в читальный зал. Убедив себя, что лучше поработать в уютной домашней обстановке с горячей чашкой чая.

Из той литературы, которую Натали не сможет получить на руки, я обычно делаю ксерокопию (накопительный капитал – макулатура для моих папок на столе).

Итак, подведем подсчет потраченного времени: со всеми очередями, ожиданиями и непосредственно самой работой с книгами в читальном зале, я провела час и десять минут. Молодец! Столько времени терпеливо посвятить диссертации. И если каждый день по часу уделять внимание этому труду, то за три года можно и диссертацию написать. Но мне же осталось только два года, придется выделять на науку два часа.

Вообще, диссертацию аспиранты могут написать за год учебы и даже до поступления в аспирантуру. Только вот какой она получится? Выйдет ли на защиту? Решать это научному руководителю и заведующему кафедрой, а также декану, ректору, и так, пока всех не обойдешь, приходится писать научный труд десятилетиями.

После возвращения заказанных книг на место, я направляюсь в гости к Натали.

Изучив еще раз подробно список нужной мне литературы, она утвердительно кивнула:

– Ты как раз вовремя. Я собиралась заказывать книги и на себя. Работу подкинули.

– Какую? – из вежливости спросила я.

– Написать диссертацию. Кстати, про архитектурные памятники. Только Китая.

– Ничего себе! И этот китаец хорошо платит? – в том, что заказчик диссертации китаец, я даже не сомневалась. Их у нас в Минске все больше и больше появлялось с каждым годом.

Что ж, земли у нас для всех хватит, ну, или почти для всех. А Натали – еще один пример тех, кто диссертации пишет за месяц.

– Куда он денется! Он из компании Хай-Хуна. Помнишь? – заявила Натали.

Как же не помнить ужины по-восточному в общежитие в китайском квартале. Такое название – наша аспирантская заслуга. Потому что на всем этаже мы занимали только четыре блока по две комнаты, в отличие от везде обитающих китайцев. Еще на пятом курсе мы с Натали жили в одном общежитии, один университет заканчивали, но разные специальности. И она – суперобщительная девушка – всегда выступала за дружбу народов, за международные отношения. (Ей бы послом работать, а не в библиотеке). Натали провела тщательный отбор из жителей квартала, кажущихся на первый взгляд клонированными, и нашла более-менее русскоязычного Хай-Хуна. А мне перепадали бесплатные ужины в слишком экономные дни.

За время общения Натали с китайским кварталом, я научилась кушать палочками, попробовала китайскую лапшу, приготовленную самостоятельно молодым китайцем-магистрантом. Хай-Хун готовил вкусно, особенной еду делали ароматные китайские пряности. У него я попробовала настоящий китайский зеленый чай и пришла к выводу, что такой чай можно достать только в Китае, а у нас и сравнивать не с чем. Это еще раз раскрывает настоящую сущность рекламы. Может, поменять тему диссертации? Нет, не на китайскую кухню, а на рекламную лапшу.

Кстати, насчет чая в кабинете у Натали. Она рассказала мне про нового знакомого – замена бывшему жмоту. У Натали даже расспрашивать ничего не надо, она сама все рассказывает. Может, благодаря этому она и чувствовала себя звездой, к которой пришли брать интервью с вопросами, составленными ею же. Получался такой актерский монолог. Но из него можно почерпнуть много интересного на тему: «Как не стоит поступать».

– Книгами можешь пользоваться неделю. Успеешь? – спросила Натали, закончив свой монолог.

– Конечно! Спасибо огромное! Чтобы я без тебя делала? Ты просто палочка-выручалочка для таких любителей библиотек как я, – распалаясь в искренней похвале.

– Пользуйся, пока нас не закрыли. Поговаривают, что после Нового года весь книжный фонд будут упаковывать для переезда в новую библиотеку. Кстати, суперсовременную, даже тебе понравится там работать.

– Не думаю. Жаль, что так скоро, я еще не успела к системе этой библиотеки привыкнуть.

– Зато отвыкать не надо будет, – заметила мудрая Натали, и мы засмеялись. С ней всегда весело.

У психологов тоже бывают проблемы

У Ирины тонкое чувство юмора и очень заразительный смех. Она всегда заливается звонким чистым смехом, заражающим всех вокруг. Иногда я приходила к ней в гости именно за этой подпиткой – смехотерапией.

– Привет. Как дела? – спросила я формально, что вошло в привычку нашего общения.

– Проходи. Вот, собираю вещи, – сказала с натянутым спокойствием Ирина. Похоже, смехотерапии сегодня не будет.

– Ты куда-то уезжаешь?

– Переезжаю...

– В смысле? – недоумевала я.

– Меня отчисляют из аспирантуры!

Вот он, гром среди ясного неба. Полный облом всем радужным грезам и халявным представлениям об аспирантуре!

– Как?! – только и смогла вымолвить я, впад в легкое состояние шока. И в этот момент заметила, что в русском языке существует столько слов для описания шокирующего и удивленного состояния, но почему-то именно в эти моменты мы теряем дар речи. Да и на бумаге изъясняемся двумя знаками: вопросительным и восклицательным в соединении, от которого они сами в шоке.

– А вот так! – дала она логичный ответ. – Вообще-то, правильно было бы сказать, что я сама решила бросить это бессмысленное занятие. Не хочу больше трепать нервы с придурочным руководителем, – объяснила Ирина. От чего мне стало легче на душе, значит, не все так строго в самой аспирантуре. Многое зависит и от выдержки аспирантки. Про ее научного руководителя Умова, я мало что слышала, но подруге доверяла, как тонкому психологу и умной девушке. А вот знающая всех Рината сказала бы про него: «Жесть!». Мне было только одно не понятно, как человек с такой умной фамилией оказался таким неумным научным руководителем. Из-за которого талантливая аспирантка вынуждена уйти из аспирантуры.

– Этих упрямых дураков не сломить! – возмущалась Ирина. А я задумалась, что на такой тип преподавателя не действуют психологические приемы.

– А если заменить руководителя?

– Для этого нужно было учиться в другом университете. А научного руководителя дают пожизненно...

– Интересно, до чьей?.. – просто мысль вслух, но она рассмешила подругу.

Что ж, действительно, крест научного труда со всеми к нему прилагающимися нужно нести до смерти руководителя. Хорошо, если профессор старый – недолго придется мучиться будущим кандидатам. Только как раз старые профессора очень лояльные люди, все же опыт веков сказывается. И таким добрым волшебникам хочется пожелать долгих лет преподавания и добрых дел для аспирантов.

А вот у профессоров в полном расцвете сил, с амбициями, становишься полным идиотом с постоянными проблемами в аспирантуре. И такие, как бы им не желал чего, живут долго.

– Поскольку мы с Умовым к общему умозаключению не пришли, поэтому кто-то из нас должен уйти. А это означает, что у меня нет выбора.

– Скажи мне, кто из аспирантов находит общий язык со своим руководителем?

На этот раз Ирина не засмеялась, а грустно продолжила:

– Мне как можно скорее нужно освободить комнату и переехать.

– А есть куда? – беспокоилась я за подругу.

– Да, на работе обещали дать общежитие. От перемены мест название не меняется, – пыталась шутить она. – О, если бы ты знала, как мне надоела эта общаговская жизнь. Я хочу

свое жилье, дом или квартиру, пусть это будет даже комната в коммуналке, но собственная!
Моя!

– Соглашайся только на двухкомнатную квартиру.

– Да не помогает это программирование себя и запросы во Вселенную. Видишь, снова съезжаю в общагу, – разочарованно простионала Ирина.

– Но главное, что съезжаешь в новое место...

– Спасибо за поддержку, но мне не легче. Все так хреново. Что я родителям скажу? Они так гордились, когда я поступила в аспирантуру.

– А ты разве для них поступала или все же хотела стать кандидатом? – задала я каверзный вопрос психолога.

– Честно? – Ирка присела на кровать, окинула взглядом уютную, благодаря ей, комнату и продолжила: – Не хочу учиться в аспирантуре. Разочаровалась я во всем этом. Мне стало не интересно, и я не вижу смысла. Ну, какой из меня кандидат? Я же не талмуды бесполезные писать собираюсь, я практиковать хочу. Людям помогать решать их проблемы, – выговаривалась Ирина, а потом как засмеется долгожданным залившимся смехом.

– Ты чего? – спросила я, не заряжаясь ее настроением.

– Какой я психолог, если сама не могу решить свои проблемы, – ответила сквозь смех подруга, чем все же заставила смеяться и меня. Говорят, что смех открывает какие-то чакры, в этот момент меня осенило:

– Поэтому тебе и попался такой научный руководитель, который не умеет работать с аспирантами. И избавившись от него, ты решишь свои проблемы.

– И каким образом мне от него избавиться? Диссертацию на голову ему сбросить?

– А она у тебя написана?

– Нет.

– Тогда и переживать не стоит.

И мы снова засмеялись. После смеха всегда легче смотреть на жизнь. А раздутые проблемы сдуваются как воздушные шарики, но, к сожалению, все равно остаются.

– Ничего. Проблема – это путь к развитию. И, значит, меня ждет новая развивающаяся жизнь, – гордо заявила Ирина. И я поддержала ее.

– Ты станешь замечательным психологом и без аспирантуры.

– Спасибо, – с легкой грустью ответила Ирина.

Я тогда не совсем поняла ее грусть. Не ощутила тот страх потери аспирантуры...

За какие деньги живут свободные аспирантки?

Вот она, повышенная после аттестации и перевода на второй курс стипендия аспиранта! Скажем так, приличная стипендия. Можно устроить шопинг и даже съездить в Литву.

Теперь, с повышенной стипендией, запретили аспирантам работать, разрешалось на четверть ставки и только по специальности. Но минчане-аспиранты продолжали работать там, где хорошо платили, а еще был компьютер и бесплатная бумага. Это же такая экономия! Мы с Ринатой – единственные, у кого работа – это учеба в аспирантуре и, конечно же, написание диссертации. Вот на нее и приходится тратить стипендию, повышенную, между прочим.

На что мы тратим свои заработанные честным трудом деньги? Сознательный аспирант вам ответит: «На диссертацию!». И я тоже подпишусь под этим. Ведь для нее, любимой, необходима бумага, шариковые ручки (желательно, цветные гелевые – для повышения креатив-

ности), распечатки, фото, сканирование. Подумаешь, что большинство компьютерных работ можно сделать бесплатно, я же все равно затрачиваю свой труд, который должен вознаграждаться по достоинству. Ведь это мой мозг усердно трудится над созданием великого проекта под названием – научная работа, которая действительно становится вымученной диссертацией аспиранта, проходя бесконечные этапы проверок. И чтобы на весь этот путь нас хватило, нам необходимо хорошо питаться. А также обогащать себя духовной пищей: театр, кинотеатр, шопинг, кафе (последнее следовало бы отнести к «хорошо питаться», но как же без общения с подругами по душам?).

А так же к статье расходов можно отнести и взносы для вдохновения. Практически все аспирантки хотят выглядеть замечательно. Конечно, бывают и исключения – одна аспирантка не следила за своей внешностью и одевалась как синий чулок. В общем, вид у нее был устрашающий, но диссертация была написана. А вот защитила она ее или нет, история об этом умалчивает, к сожалению. Хотя, я не думаю, что это повлияло бы на наш внешний вид. Мы – те аспирантки, которые любят за собой ухаживать. И полки наши, мои в особенности, ломятся от баночек кремов, масок, и разной, но так необходимой для вдохновения, косметики.

«Счастье не в деньгах»

«Счастье не в деньгах» – гласит народная мудрость, но тут же, умудренные опытом люди добавляют: «А в их количестве». И действительно, чем больше доходы, тем больше расходы. Оказывается, нам, аспиранткам, столько всего необходимо! Начать хотя бы с простого: продукты питания, одежда, отдых, развлечения.

До моей стипендии оставалось еще полторы недели, а денег – только на талончик, чтобы доехать к подруге за материальной помощью. Как я не люблю брать в долг... Но выбирать не приходится. Каким образом моя подруга умеет жить по средствам? Конечно же, у нее есть кормилец-муж. Кстати, Валентина когда-то имела очень сильное желание поступить в аспирантуру. Но вышла замуж, будучи уже беременной. Иногда, в моменты усталости, оживляла свою надежду на служения науке, но эта надежда жила не долго, до первого кряхтения малышки.

Валентина ждала меня с подготовленной поучительной лекцией.

– Ты живешь одна, все деньги тратишь только на себя. И тебе не хватает?! – удивлялась моя бывшая однокурсница. Ей пророчили кандидата, но она удачно вышла замуж, а сейчас сидит в декретном отпуске по уходу за ребенком.

– Да. Не хватает мужа. Ведь поэтому у тебя всегда есть деньги? – спросила я.

– Какое там. Просто я давно уже себе ничего не покупаю. Все для ребенка, декретных хватает только на памперсы, сама знаешь... – начала расписывать расходы милая Валюшка. Я не знаю, что такое декретные, но стипендии мне точно не хватает на шопинг-тур, хотя бы в Киев.

– Так, давай разберемся, куда уходят твои деньги, поищем, на чем можно сэкономить, чтобы не лезть в долги, – решила помочь мне подруга не только материально.

Итак, первая статья расходов – на необходимые человеческие потребности.

Сюда мы отнесли продукты питания, средства быта – мыло, порошок, зубная паста и тому подобное. Валя тут же отметила, что пасту можно купить и дешевле. Но я убедила ее, что поход к стоматологу обойдется намного дороже.

Косметика. Здесь у нас начались большие разногласия. Я не могу позволить своим красивым глазкам обыкновенную тушь, их она должна украшать и питать, а не портить. Из-за дешевой косметики в будущем придется потратиться на восстановление своей красоты. Так что на этом экономить я не буду. Валя же, сидя в декретном, перестала покупать себе косметику. Вот ее экономия.

Одежда. О, это больной вопрос. Я уже давно не обновляла свой гардероб.

– А новые сапоги? – тут же заметила подруга.

Ах, да. Но так хотелось осенью щеголять в красивых сапожках, притом, что я их купила на распродаже. Но вот моему стильному пиджаку два года скоро исполнится, а джинсы отметят годик. А колготки... да, я их купила неделю назад – не могла устоять перед притягательным лиловым цветом. От их цены у подруги глаза полезли на лоб. Вот она и нашла на чем мне экономить.

Общественный транспорт. Подруге проще, она сидит дома с ребенком, у которого личный транспорт – детская коляска, а если куда необходимо, муж завезет на машине. У меня же на талончики вылетают огромные суммы.

– На бензин и на содержание автомобиля денег нужно еще больше, – утешила меня подруга и посоветовала купить проездной. Это было пока единственным, с чем я согласилась.

Второе – свободное время. Расходы на развлечения. Что это такое, моя семейная подруга забыла. Но предложила мне научиться раскручивать мужчин. В свою очередь я прочитала ей лекцию по этому поводу. Во-первых, мужчины сами ищут, кого бы раскрутить, а во-вторых, чтобы на тебя «запали», нужно вложить в себя немалый капитал.

Встречи с подругами в кафе, походы в кинотеатр по совету Валентины можно перенести домой, хотя бы на время, пока не соберу достаточно денег на хороший отпуск. Но, а где же возможность встречи с Мужчиной Мечты. Не думаю, что они нас и в четырех стенах найдут, разве что сантехник зайдет. Но вряд ли мужчина с такой профессией сможет в будущем покрыть все мои расходы. После таких доводов, походы в кафе были разрешены, а в кинотеатры Валентина посоветовала ходить с другом, который приглашает. Так я остаюсь в курсе событий современного общества и весело провожу время, а главное – экономно. За чужой счет? Но друг не всегда при деньгах.

– Тогда приезжай в гости к подругам, скидывайтесь на прокат нового фильма, – нашла выход из ситуации подруга-экономист.

Кстати, насчет гостей. Это третья статья расходов. В гости с пустыми руками не поедешь, и опять-таки на общественном транспорте. Дети подруг так и ждут, что ты для них из сумки достанешь.

Четвертая статья расходов – праздники. Именно в этот момент их перестаешь любить. Ведь столько денег на них уходит! Как раз можно было оплатить путевку в Турцию. Начиная с Нового года, Рождества, Дня влюбленных, затем 23-е февраля (если не поздравил знакомых мужчин, то и на 8-е Марта останешься без подарка), далее дни рождения родных, подруг, детей подруг, мужей подруг, и так до следующего Нового года.

– Можно сэкономить на подарке для мужа подруги, – предложила Валя.

– Хорошо, тогда не приглашай меня на день рождения своего мужа, – согласилась я.

– Но ты же друг семьи! А в этом году у него юбилей, будет много свободных друзей. Такое тебе пропускать нельзя.

Это меня не слишком обрадовало. Юбилеи всегда требуют больших расходов – обновление гардероба, косметолог, парикмахер и дорогой подарок. Это пятая статья расходов. Если не считать неожиданную свадьбу очередной подруги и что-нибудь тому подобное.

На чем же экономить? Как же научиться жить за зарплату? – мучилась я вопросами. Достав подругу своими защитными оправданиями на ее обвинения в расточительности, она посоветовала мне найти дополнительный заработок к аспирантской стипендии.

По-моему, эта вечная тема. Тот, кто умеет прожить на стипендию или зарплату, тот сумеет экономить на всем. Я же не могу экономить на себе, на маленьком приятном знаке внимания для друзей, на чаевых, на общении и тусовках, которые дают возможность для знакомств. А это значит и надежду на встречу с мужчиной, который возьмет все мои статьи расходов на себя. А пока я сама себя обеспечиваю, то можно подыскать дополнительный заработок, не отнимающий много времени. Может, посидеть с ребенком подруги? Много не возьму, только на новые колготки.

Фотомодели, фотограф, фетиш и просто фе

Выловив меня в среде учебных будней, Натали упростила составить ей компанию в очень важном деле. Все связанное с Натали – очень важно. Отказать я не имела права. Поэтому, прежде чем узнать суть похода, я должна согласиться сопровождать ее.

– Знаешь, я прочитала очень заманчивое объявление. Предложение попробовать себя в качестве фотомодели, – начала объяснять Натали. Заметив, что я хочу возразить, подруга все сказала сама: – То, что я и так фотомодель, можешь об этом не говорить. Сама прекрасно знаю, – скромности у Натали не занимать и уверенности тоже. Но ее внешность действительно очень привлекательна и притягательна. А самое главное в этой ситуации – фотогеничность.

– Ты нужна, чтобы меня контролировать, – продолжила выкладывать суть дела Натали. – Есть возможность, что мои фотографии начнут продавать в европейские журналы.

Я согласилась, было интересно посмотреть на процесс фотосессии. Мое воображение стало рисовать огромное помещение, свет софитов, щелчки камеры и фото в «Cosmo», «Glamour» и прочие. Может, и я заодно попробуюсь в роли фотомодели. Быть фотомоделью мечтают многие девушки. Увидеть себя на обложках глянцевого журнала – это огромное повышение самооценки и доказательство своей красоты, пусть даже созданной фотошопом.

Встреча с фотографом была назначена в бистро супермаркета «Юбилейный». Он был слегка недоволен, что моделей на встречу пришло двое.

– Я же просил вас прийти одной, – произнес обычный молодой человек во всем черном, чтобы слиться с толпой на случай чего. Я обеспокоено посмотрела на подругу, та со смелым видом начала с ним пререкаться:

– Вы об этом ничего не говорили. А моя подруга тоже очень любит фотографироваться.

– Для начала нужно все обсудить, но не здесь. Слишком много желающих попробовать себя фотомоделью. Я уже здесь примелькался, не хотелось бы иметь проблемы с охраной заведения.

– Вы чего-то боитесь? – не выдержав, спросила я.

– Нет, с чего вдруг? – приторно мило улыбнулся фотограф. – Мой офис находится недалеко. Он в квартире, чтобы модели чувствовали себя комфортно. Надеюсь, вас это не смущает, вас же двое, – съязвил мужчина.

Распирающее Натали любопытство повело нас вслед за молодым человеком в его специфический офис, где создаются всемирно известные модели.

Обычная однокомнатная квартира. В ней огромная кровать с балдахином, напротив которой устроился фотоаппарат на ножках-штативах. «Интересно, каким образом “куют” здесь модели?» – подумала я, но из вежливости не спросила. Мы прошли на кухню. Нас для ощущения комфорта угостили чаем, во время которого фотограф начал разглагольствовать о фетише.

Уходили мы, смеясь на весь подъезд. Уломать нас на фе-сессию фе-фотографу не удалось. Правда, Натали сквозь смех призналась, что чуть было не согласилась, но поскольку я оставалась непреклонной, она взяла с меня пример.

– Я, можно сказать, тебе репутацию спасла, – отсмеявшись, сказала я, когда вышли из подъезда. Скорее оказаться подальше от этого фе-места.

– Думаю, у меня бы получилось, и я затмила бы всех! – гордо произнесла Натали.

Да, хорошо, что мы пошли вместе к этому фотографу-фетишисту. По крайней мере, за Натали можно не волноваться. Ее фотографии не будут использовать мужчины в туалете. А ведь есть же наивные девчушки, мечтающие о карьере фотомодели, которые начинают с фетишистского пути, но с него потом не сходят. А ведь работают за гроши. В порнофильмах хоть деньги большие зарабатывают. Конечно, все имеет право на существование, но стоит

отличать искусство от пошлости. И каждый выбирает сам свою дорожку к славе. Что ж, настоящими фотомоделями с Натали мы станем в следующей жизни.

Вечером, сидя за столом с разложенными папками и листами диссертации, я снова размышляла не по теме. Меня волновал вопрос самооценки: почему нам необходимо постоянное подтверждение своей красоты, женственности? Почему мы зависим от других людей, от слов, брошенных в нашу сторону сгоряча? Почему чужое мнение для нас так важно, что доверяем ему больше, чем себе, своему мнению, взгляду, своей интуиции?

Если бы не случайно оброненная фраза глупым парнем девочке о ее кривых ногах, то у нее не развился бы комплекс. Ведь тот глупый мальчишка и не подозревал, что девочка готовилась на дискотеку, надевая мини-юбку и впервые туфли на каблуках, на которых она толком ходить еще не научилась, а ее тонюсенькие ножки еще не сформировались до той роскошной красоты. Но этот «комплимент» надолго застрянет в ее девичьей головке. И когда она вырастет, то больше не поверит мужчинам, восхваляющим красоту ее идеальных ног модели. И все из-за того, что мы не доверяем себе, а верим чужому неправильному мнению. Этим мы сгоняем с трона свое «Я», уступая его чужому мнению, которому так безразличны вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.